

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Алексеевна Чарская

Бессмертие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636845

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Сегодня она видела снова рыжую англичанку в первом ряду партера.... Ай-Мэ не могла ошибиться – это она. Ее шляпа с длинным пером до самого плеча, ее четыре глаза, два свои и два стеклянные. Если приложить ладонь к переносице и защитить глаза от ударяющей в них раппы электричества, то можно видеть темный партер и «четыреглазую». О, как Ай-Мэ ее ненавидит...

Содержание

I	4
II	7
III	8
IV	10
V	13
VI	15
VII	18

Лидия Алексеевна Чарская

Бессмертие

I

Когда Ро Си-Энг проделывает свои штуки, Ай-Мэ стоит у второй кулисы и сухими воспаленными глазами следить за каждым движением гимнаста... Она знает, что Ро ловок и силен, как бенгальский тигр, но черные духи злы и коварны и судьба Ро в их руках.

Сегодня Ай-мэ стоит у второй кулисы, но мало заботится о движениях Ро... Ее маленькое сердечко сжимается и бьется сильнее обыкновенного...

Сегодня она видела снова рыжую англичанку в первом ряду партера.... Ай-Мэ не могла ошибиться – это она. Ее шляпа с длинным пером до самого плеча, ее четыре глаза, два свои и два стеклянные. Если приложить ладонь к переносице и защитить глаза от ударяющей в них рампы электричества, то можно видеть темный партер и «четыреглазую». О, как Ай-Мэ ее ненавидит! Как ненавидит за ее высокий рост и белую шляпу с пером, спускающимся до самого плеча, и за ее четыре глаза... На прошлой неделе англичанка пробралась к ним за кулисы с господином в высокой, как труба, шляпе и попросила капельдинера вызвать Ро.

Ро и Ай-Мэ одевались вместе... и когда Ро вышел из уборной, на ходу пристегивая пряжку пояса, Ай-Мэ жадно прильнула к дверям и слушала, слушала, слушала...

Четырехглазая говорила Ро о его мускулах и Ай-Мэ отлично видела, как она трогала Ро повыше локтей, те самые места, где у Ро наливаются два толстые и упругие шара, при малейшем напряжении силы. Потом она что-то долго говорила на чужом языке с сопровождавшим господином, Ай-Мэ знала только, как и Ро свой родной язык, да немного французский и из того, что она говорила, четырехглазая, она могла только понять, что последней нравится тело Ро, и что она будет лепить с него статую, для чего и просит его приходить ежедневно в ее мастерскую. Ро тщеславен и обожает лесть... Он вернулся в уборную с сияющим лицом.

– А, ты слышала, куколка? – подмигнул он тогда Ай-Мэ.

– Ты не пойдешь... не надо... не хочу!.. – залепетала Ай-Мэ и так больно вцепилась своими крашеными пальцами, с крашеными ноготками в руку Ро, что алая струйка крови выступила на ней мгновенно и окрасила розовое трико гимнаста.

– Поттише, куколка! – злобно прикрикнул взбешенный Ро и отбросил одним движением пальцы Ай-Мэ так, что она больно стукнулась о дверь уборной...

Если бы Ай-Мэ умела плакать, она заплакала бы. Но черные глазки маленькой женщины не знали слез с детства и потом... Если она забыла, что была женою силача и гимнаста,

кто же виноват в этом?

II

Ай-Мэ стоит у второй кулисы и, прикрыв свое лицо опрокинутой вниз ладонью, смотрит жадно, смотрит в упор на четырехглазую англичанку... Ай-Мэ отлично видит, как бесцеремонно скользить все ее четыре ненавистные глаза по фигуре. Ро... Она видит, что у четырехглазой большой горбатый нос и густо взбитые, наподобие парика рыжие волосы... и Ай-Мэ хочет иметь такой же нос, такие же волосы, чтобы занять ими воображение Ро Си-Энга. Она сама Ай-Мэ слишком мала и ничтожна, чтобы быть любимой таким силачом и красавцем как Ро. Ро совсем европеец и в этом то и есть его преимущество. И потом его фигура атлета, и узкие прекрасные глаза и изжелта матовая кожа, на которой монгольская раса оставила едва уловимый след, все это прекрасно и способно заставить любоваться и не одну четырехглазую.

Ай-Мэ видит со своего места всю фигуру Ро, затянутую в розовое трико и кажущуюся при свете наведенного на нее электричества почти обнаженной.

Она невольно ловить взгляд Ро, устремленный в партер, и ей уже кажется, что Ро улыбается четырехглазой...

– Он не пойдет, он не пойдет туда! – упрямо твердить Ай-Мэ и сжав крошечной ручонкой свое щемящее сердечко выбегаем на сцену для исполнения трудного номера.

III

А он труден... бесспорно... Это говорят все... И Ай-Мэ не может не гордиться собою. Ро ставить на свой подбородок длинный шесть на верху которого, на одной ноге, отчаянно балансируя в воздухе, стоять Ай-Мэ. Сетки нет под нею и одно неосторожное движение губы Ро, может Ай-Мэ стоить жизни.

Но она не боится... Ей доставляешь острое наслаждение чувствовать себя и свою жизнь в зависимости от Ро. Захоти Ро и она умрет... Умрет без сожаления и муки, потому что это будет желанием ее Ро, ее господина. Она его любить, как собака. Для него одного надевает она все свои дорогие безделушки, для него только вкалывает пурпуровые орхидеи по обе стороны блестящей черной головки...

Когда Ро, после выпитой русской водки бьет ее – это дает ей острое ощущение физического наслаждения.

Когда ласкает...

Когда ласкает!.. О!..

Тогда Ай-Мэ закрывает глаза, чтобы ясно представить себе набережную Токио, где она впервые встретила Ро... Океан тогда был светлый и синий... Они с матерью спешили домой!.. Он встретился им и улыбнулся... Улыбнулась и она, и с этой улыбкой отдала ему жизнь...

Они объехали всю Европу, он выучил ее всем трудным

приемам своего искусства, и она была счастлива... Он звал ее куколкой и баюкал на своих сильных руках, как ребенка... Да, она была счастлива, даже тогда, когда он бил ее... Пока...

Пока не явилась четырехглазая...

Ро любить лести больше всего в мире... А четырехглазая умеет отравить его сладкой отравой лести. Она умеет хвалить его тело и мускулы, в то время, как Ай-Мэ только и может сказать: «Господин мой».

И целовать его ноги...

И четырехглазая своими похвалами раздражает его тщеславие... Все это вертится в кукольной головке Ай-Мэ, в то время, как она балансирует на своем шесте так высоко, высоко. И мысль работает без устали, повторяя один и тот же вопрос: «Чем вернуть Ро? Чем разбить чары четырехглазой?»

IV

Большая крытая веранда буфета с бесчисленными столиками кишит народом. Пантомиму только что кончили... и вся публика торопится занимать места.

Ро и Ай-Мэ ходят между столиками по широкому среднему проходу. Он уже не в трико, а в модном европейском пальто и в такой же шляпе. Маленькая фигурка Ай-Мэ тонет в белом и воздушном, как облако, мехе. Петербургская осень дает себя знать и маленькая японочка боится простуды. Прелестной выглядит ее головка, немножко неподвижная в рамке белого меха, черная как мушка с двумя еще не завядшими орхидеями за ушами. На нее смотрят, ею любят... Ай-Мэ видит дерзко и ласково устремленные на нее взгляды... Слышит заигрывающий шепот мужчин... Но ей все равно.

Все равно, потому что Ро не любит ее...

Ро не смотрит на нее. Он ищет среди публики свою четырехглазую. Вот взоры его загораются удовольствием... Он увидел ее с ее кавалером у крайнего столика и идет к ним так скоро, что Ай-Мэ едва успевает за ним...

– Ро, – шепчет она тихонько, – не ходи туда. Но Ро ее не слышит.

– Ты подожди меня, куколка, – шепчет он ей в свою очередь, – подожди за этим столиком. Я сейчас.

О, это уже слишком! Ждать его, пока он будет слушать четырехглазую, ждать после того, когда он сам позвал ее угостить сладким вином. Она не хотела идти... Но он коротко сказал: «Пойдем, куколка!» и она пошла. Теперь он бросил ее, оставив одну среди шумной и равнодушной толпы.

Правда, крытая веранда ей давно знакома, знакомы ей и некоторые лица завсегдатаев сада, не раз подносивших ей цветы и букеты через оркестр, но никогда еще не чувствовала она себя такой одинокой, такой затерянной среди большого мира...

Ро уже был около столика четырехглазой, когда к ней подошли двое военных, лица которых она давно уже заметила в первом ряду партера. Один высокий и длинный как шест Ро, другой маленький и очень красивый, с массою висюлек на синей курточке. Ай-Мэ знает только, что маленький гусар и что он подносить ей корзины через оркестр.

– Прелестная японочка! Не хотите ли поужинать с нами? – говорить длинный, а гусар только ласково щурит на нее свои блестящие глаза.

Ай-Мэ вздрагивает от неожиданности.

Ужинать с ними? Нет, нет!

Но почему нет? Ведь Ро Си-Энг сидит со своей четырехглазой и Ай-Мэ отлично видит, что ее кавалер льет ему в граненый бокальчик пенящееся вино.

Он изобьет Ай-Мэ до полусмерти, если увидит, что она ужинает с русскими...

Так что же! По крайней мере он будет принадлежать ей хоть одну минуту... И его мысли и его сердце гневное, взбешенное, будеть все-таки полно ею!

Решено. Она примет приглашение русских и будет ужинать с ними и пить сладкое вино. И она с улыбкою чуть-чуть кивает головою...

V

– У меня есть рубиновое ожерелье... У меня есть кольцо с изумрудами... и ткани, много тканей... ярких, красивых... – так лепечет Ай-Мэ заплетающимся языком.

Сладкое вино сделало свое дело...

Ай-Мэ пьяна... Пьяна, как старый надсмотрщик за зверями их сада.

Оба офицера любят ее и смеются... Гусар с висюльками на курточке отыскал под столом маленькую ножку Ай-Мэ и нежно пожимает ее своим лакированным ботинком.

Ай-Мэ смеется и повторяет в сотый раз хвастливо и радостно:

– У меня есть рубиновое ожерелье и много тканей голубых и красных...

– У тебя нет бриллиантовой броши, малютка, – смеясь вторить офицер, – но она у тебя будет.

– Да, да будет! – еще радостнее лепечет Ай-Мэ, плохо со знавая, что с ней творится.

– А ты меня за это поцелуешь!

– Да, да поцелую! Конечно, поцелую! – упрямо твердить она и хохочет громче прежнего.

С соседних столиков на них беспокойно поглядывает чопорное немецкое семейство... Но Ай-Мэ все равно до целого мира... Она хохочет во все горло и поминутно выглядывает

в сторону столика, где со своими новыми друзьями ужинает Ро. Но он не видит Ай-Мэ... Он так занят своим разговором с четырехглазой, что тоже, как кажется, забывает обо всем окружающем.

Ай-Мэ становится не до смеха.

– Уйду! – тянет она капризно и делается совсем похожей на ребенка. И слаба она как ребенок, хочет встать и не может... Голова кружится, ноги не держать.

– Prete! – говорит гусар своему товарищу.

– Un rei trop roché, – отвечает тот. И оба хохочут...

VI

– Я ужинала с русскими! Молчание.

– Я пила сладкое вино. Новое молчание... Что же это?..

– Ро! Ро! очнись! забудь о четырехглазой...

И бедняжка Ай-Мэ прыгает на грудь Ро и впивается в его глаза почти безумным взглядом. Но ему все равно... Он равнодушен... Он думаешь столько же о своей Ай-Мэ, сколько о проделках клоуна Боба.

А глаза его блестят и в них, как в книге, читает Ай-Мэ.

– Ро! – отчаянно шепчет она. – Ты думаешь о четырехглазой?

Он не слышит... До боли впиваются острые маленькие зубки в губы Ро.

– Ро, – шепчет она настойчивее, – о чем она тебе говорила?

Тогда он точно просыпается... На его груди как кошка уместилась маленькая женщина...

Жаль, что эта женщина – куколка, его жена. Но когда нет никого, с кем бы он мог поделиться, он поделится с нею... Ему надо говорить о том, чем полна его душа и мысли.

И он говорить.

Говорить о том, что английская девушка обещает ему бессмертие... О том, что когда он Ро Си-Энг уедет из России, о нем не позабудут... Умрет, и тогда не позабудут...

Четырехглазая слепит его статую... Белую настоящую статую, какую они видели в Токио и которая изображает их императрицу... Эту статую разошлют по всему миру и вся Европа будет любоваться красотой и мускулами великого гимнаста Ро Си-Энга. И имя его увенчается бессмертием. Четырехглазая обещает ему это бессмертие.

Ай-Мэ слушает его... Глаза ее широко расширены и блестят так, что становятся страшными. Она не верит и не понимает того, что ей говорить Ро. Одно только понимает и чувствует Ай-Мэ.

Для того чтобы стать бессмертным, Ро должен идти в мастерскую четырехглазой и быть с нею все время, пока не окончится работа статуи. И этого она не хочет и не может допустить. Одна мысль об этом наполняет бешенством ее сердечко куколки.

– Ро, – кричит она не своим голосом, – ты не пойдешь, Ро!.. не пойдешь.

– Пойду! – одним словом отвечает Ро, но так решительно, что она не может в нем сомневаться.

Он пойдет к четырехглазой!

Тогда вне себя сжимает она его шею на сколько может больно и шепчет, задыхаясь от любви и злобы.

– Не пойдешь, не пойдешь, Ро!

Она точно безумная. Ее зубы щелкают, как в лихорадке... Все ее маленькое тело бьется и содрогается на его могучей груди. Ее пальцы, как каленые иглы жгут его шею, едва при-

чиняя ему боль.

– Я пойду послезавтра, слышишь ты, куколка? – еще тверже повторяет Ро, еще решительнее его глаза загораются знакомыми Ай-Мэ огоньками бешенства.

– Пусть бьет, пусть убивает, только не ходить к той, – мысленно твердить Ай-Мэ и сильнее обвивается пальцами вокруг его шеи.

Ро Си-Энгом овладевает порыв ярости. Женщина – раба, женщина – собственность, смеет разговаривать. О!..

Он грубо сбрасывает ее со своей груди и бьет так, что искры сыпятся из глаз бедняжечки Ай-Мэ... Она ликует...

VII

Электричество горит нестерпимо ярко...

Сегодня этот свет болезненно режет глаза Ай-Мэ. Ее тело ноет от вчерашних побоев, но сердце не ноет...

Сердце решило...

Вчера, когда Ро, избивший ее до полусмерти, уснул в их общей широкой номерной постели, Ай-Мэ решила...

Она вынула из висячей походной кумирни всех своих маленьких божков и молилась им и просила...

Просила, чтобы Ро не пошел завтра к четырехглазой, обещавшей ему бессмертие... Просила, чтобы духи света просветили ее кукольный ум и послали ей мысль, как удержать Ро Си-Энга.

И светлые духи вняли молитве маленькой женщины.

Мысль явилась... блеснула ярко...

Ай-Мэ решила... Она удержит Ро, он не пойдете завтра после репетиции к четырехглазой. Он останется с нею и будет с нею до тех пор... пока...

Ай-Мэ смотрит по-прежнему в кипящий публикой партер.

Вон ненавистная голова в белой шляпе с пером до плеча... Она постоянно в своем кресле. Она улыбается Ро... потому что считает себя высокой и красивой, а ее, Ай-Мэ, маленькой и ничтожной. Она умнет давать бессмертие, когда Ай-

Мэ умеете только любить.

Любить и ласкать...

Этого мало, надо большего. Надо давать бессмертие...

Умей она делать статуи, увековечивать ими имена славных, Ро Си-Энг не ушел бы от нее никогда...

Ро Си-Энг...

Куколка смотрит на него и никогда он не кажется ей таким ловким и красивым, как сегодня. Трико оттеняет малейшие изгибы его тела и глаза горят как два громадных полярных солнца... Ай-Мэ смотрит и не может насмотреться на Ро...

Сейчас она выйдет... Сейчас взберется на шесть поставленный на подбородке мужа, сейчас будет балансировать на своей опасной высоте...

Сейчас светлые духи помогут ей не пустить Ро к четырехглазой...

Яркая рампа ударяет ей по глазам нестерпимым светом...

– Быстрее, куколка! – кричит ей по-японски Ро. Он всегда говорить одну и ту же фразу, при начале ее опасных упражнений.

И сегодня говорить то же...

Но Ай-Мэ не надо учить... Она сама знает, что когда делать. Сердца сжимаются при виде ее ловкой, маленькой фигурки, с кошачьей ловкостью взбирающейся по шесту.

Вот она на его вершине... Вот ступает одной ножкой на крошечную площадку... Другая висит на воздухе... Она балансирует ею и обеими крошечными ручонками... Публика

отчаянно аплодирует, заглушая звук оркестра... Голова Ро Си-Энга запрокинута на спину, но Ай-Мэ видит его глаза, сияющие при свете электричества, как два полярных солнца.

Эти глаза сулят ей счастье... Они всегда сулят счастье, пока не удастся трудный номер... Потом они холодные и спокойные и почти не светят ей... Ай-Мэ в минуту соображает все это. Ее охватывает безумие. Не светят ей., так пусть не светят и четырехглазой, по крайней мере сегодня!

– Ты не пойдешь к ней! – отчаянно вскрикиваете она японски и, широко взмахнув руками, летит плашмя на деревянный ноль сцены с 3-х саженой высоты.

Светлые духи сделали свое дело... Они научили Ай-Мэ как не отпустить Ро Си-Энга к рыжей девушке... Но дорого Ай-Мэ платится за это... Чтобы помешать дать бессмертие имени Ро, она отдает свою жизнь...

Но она счастлива... Бесконечно...

Она видит синий океан, и набережную Токио и себя Ай-Мэ с двумя орхидеями у ушей алыми, как пурпур... И его улыбку видит Ай-Мэ, улыбку Ро, прекрасную, как бессмертие... Он тут около... Ее холодеющая рука лежит в его горячих пальцах... Его ухо, силясь слышать ее умирающий лепет, близко, совсем близко у ее груди..

– О, Ро! – шепчет она в истоме смерти... – О, Ро!.. теперь ты не пойдешь к четырехглазой!